

«И на каком ещё основании...»

Гу Цзицин чувствовал, как воля стремительно рассыпается под действием подмешанного препарата, и, цепляясь за последние крохи разума, обвил руками шею Чжоу Цыбая и хрипло спросил:

— Ты же не любишь мужчин, разве нет?

Чжоу Цыбай на мгновение замер.

Гу Цзицин ничуть не удивился. Жадно вбирая исходящий от Чжоу Цыбая холодок метели, он крепко прижимался к нему, но голос звучал по-прежнему отстранённо, мягко и спокойно:

— Вот видишь, ты не можешь принять объятия и поцелуи с мужчиной, а мне сейчас правда плохо, так что Пэй Имин мог бы... ммм...

Договорить он не успел — слова захлебнулись в жарком, неловком поцелуе, пропахшем метелью северной зимней ночи; поцелуй обрушился почти яростно, грубо и властно.

Рука, обнимавшая его, будто изливала не выплеснутую до конца бурю чувств — сжимала так, точно хотела вмять его в собственную плоть и кровь; а поцелуй был настолько властным, что не оставлял права на сопротивление, и Гу Цзицин почти задышался.

Тот, кто целовал его, накрыл его собой целиком, без единого слова отнимая последние остатки способности думать.

Чжоу Цыбаю в тот момент казалось, будто он обезумел. Он не знал, способен ли принять объятия и поцелуи с мужчиной, не говоря уже о вещах и более безрассудных, — он никогда прежде не задумывался об этом.

Он знал одно: он не может смириться с тем, чтобы Гу Цзицин обнимался и целовался с другим мужчиной, доводя дело до конца.

Одна лишь мысль об этом сводила его с ума от ревности.

Ведь он уже видел неосознанное желание Гу Цзицина, видел его наивную, соблазнительную податливость под собой, видел его тело — прекрасное почти в каждой линии, будто созданное точно под его вкус.

А ведь этот человек к тому же любил его.

Раз он любит его — то с какой стати ему делать подобное с кем-то другим?

Поэтому в тот миг, когда Гу Цзицин спокойно произнёс имя Пэй Имина, у Чжоу Цыбая осталась лишь одна мысль — сломать это неизменное, всегда безмятежное спокойствие. Он хотел увидеть его потерявшим контроль, хотел, чтобы Гу Цзицин стал таким же, как он сам, — низменным, настоящим человеком, подвластным эмоциям и порыву.

И он поцеловал его.

Без единой мысли — один лишь инстинкт, граничащий с безумием.

Только тогда Гу Цзицин понял, что дыхание другого человека способно быть настолько жарким — таким, что заставляет забыть обо всякой сдержанности и хладнокровии, таким, что поднимает рябь на глади давно застывшего холодного омута, не позволяя ему без остатка раствориться в бессмысленной, тихой нежности.

Он подумал, что это, быть может, последняя соломинка, способная его спасти.

И спустя долгое время, уже почти захлёбываясь, он крепче обвил шею Чжоу Цыбая и, тяжело дыша, произнёс:

— Чжоу Цыбай, отвези меня в отель.

Когда Гу Цзицин проснулся на следующее утро, метель за окном, кажется, уже стихла. Только яркий зимний свет, отражаясь от снега, разливался ослепительно белым маревом и сквозь белый тюль панорамных окон заливал всю комнату.

Гу Цзицин не любил ясные дни — кроме ясных зимних.

Поэтому он, пребывая в неплохом настроении, перевернулся на другой бок — и по телу тут же прошла раздирающая боль.

Нахлынули безумные воспоминания вчерашней ночи. Он закрыл глаза и мысленно вздохнул.

"Так и знал: не стоило в первый раз связываться с крупным псом. Да ещё и с таким, у которого ни грамма опыта. Два девственника столкнулись друг с другом — и страдать в итоге, конечно же, пришлось ему. Хотя какой там пёс — самый настоящий волк. С виду сама невинность и

застенчивость, а по сути — вся эта хищная, захватническая натура, что и во внешности проглядывает. Мало того что напористый, так ещё и силища, и выносливость на удивление немереные."

В какой-то момент вчера ночью Гу Цзицин чуть было не решил, что вот-вот потеряет сознание — просто не выдержит такого темпа. Если точнее, под конец он действительно провалился в забытье.

Однако, к его удивлению, тело оказалось совершенно чистым и свежим — судя по всему, кто-то тщательно и заботливо привёл его в порядок, так что теперь ощущалась лишь ноющая боль, а не жар и расстройство желудка, которые грозили бы при небрежном обращении.

За это Гу Цзицин был вполне доволен Чжоу Цыбаем.

Но как мог совершенно неопытный натурал додуматься до подобного?

Едва Гу Цзицин об этом подумал, как дверь номера открылась магнитной картой.

Он поднял веки — и взгляд без всяких преград встретился со взглядом Чжоу Цыбая, стоявшего у двери с двумя большими пакетами в руках.

«...»

Неловкий обмен взглядами затянулся.

Уши Чжоу Цыбая мгновенно порозовели, и он поспешно отвёл глаза:

— Это... я сходил, купил тебе каши, заодно заскочил в общежитие и принёс сменную одежду.

Вспомнив об одежде, что вчера была безнадежно испорчена, Гу Цзицин мягко произнёс:

— Спасибо.

Затем спросил:

— А вчера меня привёл в порядок ты?

Вопрос прозвучал непринуждённо, без тени двусмысленности, но хриплый голос заставил Чжоу Цыбая вспомнить, как одержимо вчера он добивался, чтобы Гу Цзицин расплакался, — вспомнить собственную несдержанность.

Он виновато опустил ресницы, буркнул что-то в знак согласия, помедлил и тихо добавил:

— Я прочитал в Байду, что если это не убрать как следует, будет вредно для здоровья, поэтому... я не хотел тебя обидеть.

Договорив, он до белизны сжал пальцы, опущенные вдоль тела, губы сомкнулись в прямую линию, а уши покраснели так, что казалось — вот-вот брызнет кровь.

Весь его вид выдавал провинившегося мальчишку.

На деле Чжоу Цыбай ни в чём не был виноват — это сам Гу Цзицин в такой ситуации не отказался от чужой помощи, слишком уж дал волю собственным ощущениям и нуждам.

Представив, как Чжоу Цыбай старательно гуглит в Байду и одновременно неуклюже, с величайшей осторожностью приводит его в порядок, Гу Цзицин вдруг подумал, что это по-своему мило.

А вслед за умилением пришла неловкость — он понимал, что взвалил слишком тяжкое испытание на гомофобного натурала.

Тогда он придал голосу мягкость, как на переговорах, и тихо начал:

— Насчёт вчерашней ночи...

Не успел он договорить, как тело Чжоу Цыбая на глазах напряглось, пальцы побелели от того, как крепко он их сжал, а уши налились кровью так, что казалось — вот-вот брызнет.

Гу Цзицин вдруг ощутил себя неким повесой, который, развалившись на постели в одном халате, неспешно соблазняет невинную жертву из приличной семьи.

Он на миг замер, размышляя, не стоит ли дать Чжоу Цыбаю ещё немного времени, чтобы прийти в себя.

Но додумать эту мысль он не успел — зазвонил телефон.

Звонила Инь Лань.

— Я отвечу в ванной, — сказал Гу Цзицин.

С этими словами он взял телефон и поднялся с кровати.

Но стоило ступить на пол, как ноги вдруг подкосились.

Чжоу Цыбай метнулся вперёд и подхватил его — и Гу Цзицин оказался в кольце его рук.

Голова Гу Цзицина была опущена, и обнажённая кожа у выреза пижамы, усеянная россыпью бледно-розовых меток, тут же бросилась Чжоу Цыбаю в глаза — немое свидетельство его вчерашнего безрассудного преступления.

Рука, поддерживающая Гу Цзицина, невольно сжалась крепче. Чжоу Цыбай хотел было что-то сказать, но тот уже с независимым видом отстранился, тихо бросил «спасибо» и скрылся в ванной.

Едва дверь закрылась, Чжоу Цыбай без сил опустился на край кровати, раздражённо взъерошил волосы и мысленно обругал себя.

Да, вчера ночью Гу Цзицину подсыпали препарат, но сам он, Чжоу Цыбай, оставался в полном сознании.

"Ведь были другие, куда более разумные способы решить эту проблему — и почему же он выбрал самый нелепый, самый немыслимый, самый безнадёжно запутанный? Он прекрасно понимал: винить Гу Цзицина не в чем. Это он сам одержимо жаждал сломить его самообладание, это он сам в итоге позволил животному желанию взять верх над разумом — низкий, постыдный выбор. Но он и сам не понимал, почему тогда поступил именно так. То ли банальный мужской инстинкт, то ли... то, что он влюблён в Гу Цзицина? Но какова бы ни была причина, всё это казалось нелепым.

Он натурал. У него есть девушка, которая ему нравится. Он совершенно точно знал: чувство к той девушке — не юношеская блажь и не игра памяти, а настоящая первая любовь, что настигает подростка на самом пороге взросления. Так как же он, храня в сердце другого человека, позволил себе сблизиться с Гу Цзицином? Чем он в таком случае отличается от тех беспринципных подонков, что играют с чувствами направо и налево?

И всё же приходилось признать: его тянуло к Гу Цзицину. Не потому, что Гу Цзицин любил его, и не потому, что ему самому требовалась разрядка. Ведь ещё со старшей школы за ним увивалось немало и парней, и девушек — достойных, нежных, настойчивых, красивых, среди них даже нашлось двое-трое с такой же родинкой у уголка глаза, — но ничего в нём не откликалось никогда. Он лишь твёрдо знал: он ждёт ту самую девушку. Значит, дело не в том, что его добивался достойный человек, — не отсюда родилось это желание. А в том, что рядом с Гу Цзицином он ощущал нечто очень похожее на то, что чувствовал рядом с ней. Та же мягкая, спокойная, рассудительная терпимость, та же невольно проступающая надломленная одинокость, то же ощущение, будто сердце замирает от одного взгляда исподлобья, — всё это отвечало его тяге ко всему прекрасному и той рыцарской жажде защищать, что жила в нём от природы. Кроме Гу Цзицина и той девушки, никто и никогда не вызывал в нём подобного чувства.

Так неужели он влюблён в Гу Цзицина?"

Едва осознав это, Чжоу Цыбай почувствовал, как сердце тяжело ухнуло вниз, и не успел он мысленно опровергнуть собственную догадку, как дверь ванной открылась.

Он вскочил, будто на рефлекс, вытянулся по стойке смирно, руки по швам, и напряжённо уставился на Гу Цзицина — ни дать ни взять провинившийся пёс, ожидающий приговора хозяина.

Рука Гу Цзицина, толкнувшая дверь ванной, на миг замерла.

"Почему-то в тот миг он вдруг испугался, что Чжоу Цыбай сейчас выпалит нечто вроде: «Я должен нести за тебя ответственность». Но Чжоу Цыбай гомофоб, и даже если бы вдруг излечился от этого, у него всё равно есть девушка, которую он любит так сильно, что готов жениться только на ней, — он натурал, без всяких сомнений. Так с чего бы ему брать на себя ответственность? Да и не нужна ему эта ответственность. Вчерашняя ночь для них обоих — лишь вынужденная случайность, только и всего."

Но, зная Чжоу Цыбая, Гу Цзицин понимал: его чрезмерно строгие моральные принципы и почти фанатичная верность в любви наверняка породят совершенно ненужное чувство вины и долга.

Помедлив, он тихо произнёс:

— Насчёт вчерашней ночи — тебе правда незачем переживать. Если у тебя есть дела, иди, я сам справлюсь с остальным.

После вчерашнего он всё ещё чувствовал ноющую боль во всём теле — слишком много сил было потрачено, — и хотел поскорее закрыть эту тему, отпустить Чжоу Цыбая и как следует выспаться.

Но у Чжоу Цыбая при этих словах болезненно сжалось сердце.

"Как он может даже сейчас думать о нём в первую очередь? Неужели этот человек, что бы ни случилось, какую бы обиду ни пришлось терпеть, всегда несёт всё в одиночку, ни за что не позволяя другим разделить его ношу? И потом, в Байду ведь написано: после первого раза высока вероятность жара и боли в животе — разве можно оставить Гу Цзицина здесь одного?"

— Со мной всё в порядке.

Чжоу Цыбай постарался ответить как можно ровнее и увереннее, чтобы Гу Цзицин почувствовал: на него можно положиться.

Но Гу Цзицин на миг замялся.

"Даже если у него нет дел, мог бы всё равно уйти. Но сказать так прямо было бы невежливо. К тому же, похоже, Чжоу Цыбай считает, что вчерашнее дело ещё не прояснено до конца."

Гу Цзицин серьёзно посмотрел на него и мягко сказал:

— Мне жаль, что вчера тебе пришлось пережить такое неприятное происшествие. Если тебе нужна какая-то компенсация — например, чтобы я съехал из общежития, или чтобы мы прервали всякое общение и впредь оставались друг другу совершенно чужими людьми, — я готов на всё.

Он полагал, что предложенное решение достаточно искренне.

А у Чжоу Цыбая внутри вспыхнуло беспричинное раздражение.

"Когда это он говорил, что вчерашняя ночь была неприятной? Или это сам Гу Цзицин считает её такой? Но даже если и неприятной — это ведь только первый раз, разве нет пространства для того, чтобы стать лучше? С чего сразу съезжать из общежития и удалять контакты?"

Но он не успел озвучить это, как телефон Гу Цзицина снова зазвонил.

На этот раз звонил Пэй Имин.

Увидев на экране это имя, Чжоу Цыбай тут же помрачнел.

Гу Цзицин, впрочем, ничего не заметил.

Из трубки почти сразу донёсся спокойный, как всегда взвешенный голос Пэй Имина:

— Алло, Цзицин, проснулся? Вчера я приехал за тобой в клуб, там сказали, что тебя увёз Чжоу Цыбай, я позвонил — ответил тоже он. Показался мне довольно надёжным, поэтому в полицию звонить не стал. У тебя всё нормально?

Гу Цзицин смутно помнил, что, когда вчера звонил Пэй Имин, сознание у него уже плыло.

К счастью, Чжоу Цыбай ответил вместо него — пусть и буркнул раздражённо «Он со мной» и тут же сбросил звонок, — но зато не дал Пэй Имину действительно вызвать полицию и не позволил тому продолжить расспросы.

Не то что Чжоу Цыбай — тот, наверное, даже услышав «всё нормально», всё равно не отойдёт

ни на шаг, пока лично не убедится, что с ним и правда всё в порядке.

Видимо, большие псы всегда липнут к хозяину сильнее, чем котики.

— Всё нормально, спасибо, — тихо ответил Гу Цзицин.

Пэй Имин хмыкнул:

— Ну и славно. Похоже, твой сосед и правда надёжный парень. Хотя мне почему-то кажется, что он на меня немного зуб точит. Уж не влюблён ли он в тебя часом?

Последняя фраза прозвучала с игривой ноткой — будто на пробу.

Лицо Чжоу Цыбая тут же скисло ещё сильнее.

"Какое дело Пэй Имину, влюблён он в Гу Цзицина или нет?"

Гу Цзицин заметил, как переменялся Чжоу Цыбай, и решил, что того задело подобное недоразумение и шутка. Он поспешил мягко пояснить:

— Да нет же, он просто с виду немного холодный, а на самом деле очень хороший человек.

Лицо Чжоу Цыбая чуть смягчилось.

— К тому же он натурал, ни в жизни не полюбит парня, — продолжил Гу Цзицин. — Просто он добрый по натуре. Будь на моём месте вчера кто угодно другой, он бы всё равно помог. Не думай лишнего.

Лицо Чжоу Цыбая скисло уже до предела.

"Кто вообще сказал, что он вчера помог бы кому угодно?! И вообще, зачем Гу Цзицину оправдываться перед Пэй Имином?! Можно подумать, тот ему хоть кто-то."

Возмущение в душе Чжоу Цыбая трещало и искрило, пока он вдруг резко не осознал: а ведь и сам он тоже никто для Гу Цзицина.

Более того, он сам не раз и не два подчёркивал Гу Цзицину, что не питает никакого интереса к мужчинам, что им следует держать дистанцию, и требовал, чтобы тот перестал целыми днями пытаться его «согнуть».

Дойдя в мыслях до этого места, Чжоу Цыбай стиснул кулаки.

"Неудивительно, что Гу Цзицин напускает на себя спокойствие, говорит, что всё в порядке, что справится сам, что может хоть съехать из общежития, хоть вовсе оборвать все связи. Всё это только потому, что раньше он вёл себя слишком отвратительно — вот Гу Цзицин и решил, что тот точно не сможет принять случившееся вчера, и произнёс все эти успокаивающие слова. А он-то прекрасно знал, что Гу Цзицин любит его, видит в нём единственную защиту, — и всё равно наговорил тех жестоких вещей."

Вспомнив, как в тот день, сгорая от жара, в полубреду, Гу Цзицин прошептал: «Чжи-Чжи любит тебя, у Чжи-Чжи есть только ты», — Чжоу Цыбай ощутил, как сердце сдавило горькой тяжестью.

А Гу Цзицин тем временем уже закончил разговор с Пэй Имином — следом позвонил Гу Цзюэ.

— Я в ванную, — бросил он.

Чжоу Цыбай кивнул.

Дождавшись, пока из ванной донесётся приглушённый голос, он снова сел на край кровати, достал телефон и открыл особый альбом, в котором значилась всего одна фотография.

Снимок был низкого разрешения — сделан на телефон много лет назад.

Девушка на фото была не анфас: в белом газовом танцевальном платье, с чёлкой и короткой стрижкой, какую тогда по единственному требованию носили все девочки в Экспериментальной школе иностранных языков города Наньу, она сидела на корточках, обнимая маленькую грязную белую собачку.

Она склонила голову, и чёлка вместе с прядями по бокам послушно падала вниз, скрывая почти весь профиль — виден был лишь слегка приподнятый уголок правого глаза да алая родинка под ним, что на слегка пересвеченном снимке казались особенно яркими и нежными.

Это было в тот год, когда во втором семестре восьмого класса его перевели в Экспериментальную школу иностранных языков города Наньу.

Как раз тогда в школе проходил фестиваль искусств. Новичок, даAPI Error: Claude's response exceeded the 32000 output token maximum. To configure this behavior, set the CLAUDE_CODE_MAX_OUTPUT_TOKENS environment variable.еще и полноватый, он не попал ни в один из классных номеров, и пока остальные репетировали, ему оставалось только в одиночестве слоняться снаружи.

Однажды во время такой прогулки он наткнулся на компанию хулиганов из спортивного

класса. Увидев, что он один, те тут же начали к нему цепляться, а один парень попытался затащить его в туалет, приговаривая, что он такой беленький, пухленький, прямо миленький, может, дать братику пощупать.

Тогда его замутило от отвращения, и, забыв о всех правилах приличия, привитых семьёй, он яростно вступил в драку — уложил нескольких старшеклассников и бросился прочь.

Он бежал, пока не заблудился, а когда наугад толкнул какую-то дверь, случайно наткнулся на ту девушку — она как раз переодевала танцевальный костюм.

Он увидел лишь её спину и белоснежное плечо, но для только-только вступившего в переходный возраст Чжоу Цыбая это ощущение — сердце вдруг заколотилось так, как никогда прежде.

Девушка при этом даже не рассердилась — лишь спокойно оделась, а увидев синяки на его лице и теле, мягко спросила, не нужна ли ему помощь.

Обрабатывая его раны, она была так же нежна, как позже Гу Цзицин, перевязывавший ему бинты.

Впрочем, та девушка, похоже, была схожа с Гу Цзицином и в другом: за всей мягкостью сквозила отстранённость. Она ни разу не спросила, кто он такой, — будто вовсе не собиралась заводить с ним дружбу.

А он сам из-за неуверенности в собственной внешности так и не решился заговорить первым.

Но с того случая он стал драться заметно чаще — и после каждой драки будто бы «случайно» встречал ту девушку в корпусе искусств и спорта.

Она всякий раз обрабатывала его раны и говорила, что у него красивые глаза, что он вырастет симпатичным парнем, но для этого нужно стать сильнее.

Тогда он твёрдо решил: избавиться от детской пухлости, станет красивым парнем и признается этой девушке.

Но в последний раз, когда он помог ей отбить у тех хулиганов бедную, кем-то брошенную белую собачку, его выдали, и в итоге отец узнал и о драках, и о том, что сына травят в классе.

В ту же ночь его перевели обратно в Пекин — он даже не успел толком попрощаться с той девушкой.

Позже он пытался разузнать о ней через знакомых, но связей у него там почти не осталось,

поиски шли туго, и в итоге выяснилось лишь одно: в средней школе такой девушки не числилось — значит, она, скорее всего, училась в девятом классе и после выступления на фестивале сразу же выпустилась.

Поэтому летом после девятого класса он самостоятельно прошёл всю программу старшей школы за год и сдал вступительные экзамены в вуз на год раньше положенного.

"Он думал: раз у той девушки наверняка хорошие оценки, что если они снова встретятся — в одном университете? Если встретятся — он обязательно расскажет ей, что увлёкся спортом, сильно вырос, похудел, и, наверное, стал вполне симпатичным парнем. Согласится ли она стать его девушкой?"

Но ту девушку он больше не встретил. Вместо неё судьба свела его с Гу Цзицином.

Он думал, что после той истории в средней школе будет испытывать глубокое отвращение ко всем геям, что попытаются к нему приблизиться. Но этого не случилось.

Более того — он даже не мог унять рассудком собственное желание и ревность.

Использованный презерватив и смазка в мусорной корзине служили немymi уликами его вчерашней несдержанности.

А из-за двери ванной вдруг донеслись приглушённые слова: «Гу Цзюэ, то, что я раньше не сопротивлялся, не значит, что меня можно и дальше третировать как угодно. Отныне у меня нет никакого отношения к семье Гу», — произнесённые так спокойно, так мягко, что за этим спокойствием пряталась лишь горькая отстранённость.

Эти слова напомнили Чжоу Цыбаю аватарку Гу Цзицина.

"Какая же одинокая, какая печальная принцесса живёт в этой высокой башне? Не сорвётся ли она однажды вниз, не выдержав собственного одиночества?"

В этот миг он почувствовал: боль в груди уже приняла решение за него.

Он никогда не станет отрицать долгую тайную любовь к той девушке и всю радость, что она ему дарила, — но и закрыть глаза на то, насколько ему безразличен Гу Цзицин, он тоже не мог.

Пусть он и не мог с уверенностью сказать, чем вызвано волнение рядом с Гу Цзицином — гормонами или искренним желанием быть с ним как с настоящим партнёром, — но раз уж между ними всё случилось, он не имел права держать в мыслях кого-то ещё.

В конце концов, прошлому человеку было суждено встретиться, но не остаться — так пусть он хотя бы возьмёт на себя ответственность за настоящее.

"А если он не способен быть с Гу Цзицином всем сердцем, любить только его, заботиться только о нём, защищать только его — то на каком основании ему принимать его любовь?"

С этой мыслью Чжоу Цыбай крепко стиснул телефон, будто больше не мог сдерживать внутреннюю борьбу и смятение.

После долгой внутренней борьбы он всё же стиснул зубы — будто принимая самое важное решение за все свои девятнадцать лет — и, надавив пальцем на фото, дождался, пока выскочит кнопка удаления, приготовился нажать.

И тут сверху раздался голос:

— Откуда у тебя моя фотография из средней школы?

Чжоу Цыбай: «?..»

Не успел он прийти в себя, как Гу Цзицин лениво выхватил у него телефон и, будто удостовераясь, произнёс:

— И правда, это моё фото из средней школы. Это платье до сих пор дома валяется.

«???»

"Как это может быть Гу Цзицин?!"

— У неё же была чёлка с короткой стрижкой! — не веря своим ушам, воскликнул Чжоу Цыбай.
— Да ещё и подлиннее, чем у обычных девчонок!

Гу Цзицин лишь недоумённо отреагировал на его вспышку:

— Ну да, у меня в средней школе как раз была такая чёлка.

Договорив, он моргнул, и мокрые после ванной пряди на лбу опали, слипшись в ровную чёлку — совсем как на той фотографии.

В этот самый миг Чжоу Цыбай, только что твёрдо решивший забыть свою богиню, распрощаться с прошлым и всем сердцем отвечать за Гу Цзицина, вспомнил, как неделю назад сам, со всей серьёзностью, говорил ему: «В средней школе мне нравилась одна девушка, меня

привлекли именно её качества, поэтому, если я полюбил её, то буду любить всегда — я даже каждый день молился в дневнике, чтобы снова встретить её и провести с ней всю жизнь»...

«...»

Спустя три секунды, залившись краской до корней волос, он мысленно взорвался одним-единственным словом, полным жгучего стыда и ярости:

"Твою мать!!"

<http://bllate.org/book/20143/1992117>